

В давние годы какой-то промышленник около Колымского устья осматривал на островах звероловные снасти. Так застигла его пурга, и он заблудился. Долго блуждал он по окрестным пустыням, и наконец собаки привезли его в незнакомое селение, состоящее из нескольких домов, которые все были срублены на угол. Заблудившегося приняла женщина, но она с ним ничего не говорила. Поздно вечером пришли с промысла мужики и стали расспрашивать прибывшего к ним: кто он, откуда, по какому случаю и зачем заехал к ним, не слышал ли он об них чего прежде и, наконец, не подослан ли кем? Промышленника этого они держали под присмотром шесть недель, поместили его в отдельном доме и не дозволяли отлучаться ни на шаг, ни с кем не разговаривать. Заключенный во время пребывания своего там часто слышал звон колокола, и обитатели этого заповедного селения собирались в молельню, из чего он и заключил, что это был раскольнический скит. Наконец жители этого дикого селения согласились отпустить этого промышленника, но взяли с него при этом клятву молчать обо всем им виденном и слышанном. Затем они ему завязали глаза, вывели из селения и проводили очень далеко. При расставании подарили ему большое количество белых песцов, красных лисиц и сиводушек».¹⁵

В свою очередь верхоянский исправник писал иркутскому епископу Вениамину, что на Ледовитом океане есть «неизвестный географии остров. Он в хорошую и ясную погоду с острова Новой Сибири к северо-востоку представляется точкой. На этом острове есть жители. Их называют бородачами, потому что, говорят, народ совершенно оброс волосами. С ними весьма редко и под опасением смерти имеют сношения дикие чукчи, которые передают о сем под секретом чукчам, платящим ясак. Они, тоже под секретом, русским.

«Народное предание говорит, что бородачи на том острове проживают лет четыреста; что какой-то епископ со свитою был занесен на него и выброшен, судно разбилось и спасения не было, будто бы слышат на том острове звуки колоколов, но как в жилья свои бородачи не допускают, а ведут торговлю только на берегу, то дикие чукчи сами наверно сего не удостоверяют».

Протоиерей Прокопий Громов допускал, что чукотский рассказ о неведомом городе «бородатых» людей, имеющих христианские церкви с колоколами, может иметь связь со сказанием о гибели миссионера Флавиана со свитою. «Не в стенах ли таинственного города со церквями хранятся церковные сосуды и богослужebные книги, везенные Флавианом? И не пополнил ли сам Флавиан с спутниками неволею население кроющихся брадатых людей?», — писал П. Громов,¹⁶ хотя предполагаемые обитатели таинственного города рисовались в чукотских рассказах скорее как проказливые демонические существа, способные на всякие озорные проделки.

Чукчи, а вслед за ними русские священники, причетники и купцы рассказывали, что «к ним в селение являются по ночам какие-то неуловимые человеческие существа и уносят запасы продовольствия, а случалось, что и днем в лесу захватывали собирающих ягоды беззащитных женщин невидимки и уводили их неведомо куда. Никто не знает, откуда приходят и куда уходят эти загадочные пришельцы; никто близко не встречался с ними. Никто потому не может определить ни их наружного вида, ни одеяния, но все единогласно удивляются быстроте их движения,

¹⁵ И. Сельский. Описание дороги от Якутска до Средне-Колымска. — Записки Сибирского отделения Русского географического общества, 1856, кн. 1, стр. 84—108.

¹⁶ П. Громов. Историко-статистическое описание камчатских церквей. — Труды Киевской духовной академии, т. 1, 1861.